

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ВЕРЕМЕНКО В. А.
«ДВОРЯНСКАЯ СЕМЬЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)». –
СПБ.: «ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ», 2007. – 624 С.**

Несмотря на, казалось бы, «объденность» и «понятность» того, что представляет собой семья, мы все же очень мало знаем о прошлом и настоящем этого социального института. Поэтому, на наш взгляд, следует всячески приветствовать попытки ученых – как теоретиков, так и практиков – изучить специфику организации семейно-брачных отношений в нашей стране. Одна из таких серьезных попыток была предпринята известной петербургской исследовательницей В.А. Веременко, посвятившей свою новую научную монографию изучению эволюции института дворянской семьи в переломную для России эпоху 1861 – 1917 гг.

Автор обосновывает наличие изменений психологии наиболее типичных представителей дворянства, искусно связывает эти перемены с историческим контекстом. Особенно удачны, как нам представляется, страницы, посвященные 1860-м гг., когда «женский вопрос» не сходил со страниц изданий различных направлений, и дворянская семья переживала значительную трансформацию, благодаря распространению эмансипационных настроений, ставших своеобразной модой. Весьма интересны суждения В.А. Веременко о влиянии I мировой войны на дворянскую семью, которая оказалась к 1917 г. глубоко преобразованной.

Работа В. А. Веременко убедительно доказывает, что реформы 1860-х гг., планировавшиеся их создателями как небольшие поправки к устойчивому зданию самодержавной монархии, в действительности, обернулись грандиозным идейно-психологическим кризисом и разрушением традиционных семейных связей.

Новизна монографии заключается не только в том, что ее автор исследует гендерный аспект развития социального института дворянской семьи, но и в самом подходе к проблеме. Большинство исследований, посвященных «женскому вопросу» в императорской России обращали особое внимание на ярких, но нетипичных для своего времени личностях – первых выпускниках университетов, революционерках, издательницах. В тени оставалась типичная, «среднестатистическая» дворянская семья, стремящаяся соответствовать принятым в государстве и обществе стереотипам, которые уже не соответствовали развитию страны.

Семейное законодательство, как показано в работе, не поспедало за переменами в жизни, хотя и стремилось их учитывать. Особенно же болезненным был вопрос об облегчении развода, разрешению которого препятствовали церковные каноны и недостаточная секулярность российского государства. Отметим, что и во Франции того периода существовали похожие проблемы: введенный в годы Великой Французской революции развод был отменен в 1815 г. вернувшимися Бурбонами и восстановлен лишь Третьей республикой в 1884 г.

Достаточно много места автор уделяет подлинной волоките при обсуждении давно назревших и необходимых законов о разрешении гражданского брака и облегчении межконфессиональных семейных союзов, особенно актуальных в столь многонациональной державе, как Россия. Бесспорно, ситуация, при которой Русская православная церковь была лишь инструментом правительственной политики в обмен на сохранение ею господства не только в вероисповедных, но даже и в юридических вопросах, связанных с семьей и браком, чрезвычайно тормозила адаптацию семейного законодательства к современным, быстро меняющимся потребностям страны.

В. А. Веременко чрезвычайно убедительно доказывает, опираясь на богатый фактический материал, опасность и абсурдность ситуации, при которой закон и реальная жизнь существуют в параллельных мирах, не имея друг к другу никакого отношения. Такое положение дел не может быть безопасным, поскольку модернизация законодательства рано или поздно все равно происходит, но власть, не успевшая вовремя ответить на вызовы времени, как это случилось с императорским правительством, оказывается вынужденной покинуть историческую сцену.

Чрезвычайно новым и свежим является анализируемый автором материал по истории наследственного права. Эволюция законодательства и практики, связанной с имущественными отношениями между супругами, родителями и детьми выявлена до-

статочно подробно и рельефно. В то же время, нам представляется, что при рассмотрении вопроса о майорате, или единонаследии, следует учитывать разнообразие аргументов в пользу его введения. В. А. Веременко справедливо отмечает, что единонаследие помешало бы раздроблению дворянских имений. Но существовали и иные доводы в защиту передачи недвижимости лишь одному из дворянских сыновей. Прежде всего, отметим, что крепостным крестьянам значительно тяжелее жилось в маленьких бедных имениях, чем в большом и богатом помещичьем владении. Не случайно, П. Д. Киселев и Н. И. Тургенев в своих проектах постепенного освобождения крестьян (середина 1810-х гг.) выдвигали требование введения майората. Правда, подобные доводы уже потеряли свою актуальность в период, которому посвящена монография. Однако, и после реформы 1861 г. сохранил свою силу иной аргумент в пользу единонаследия. Такая реформа могла бы способствовать формированию в России «третьего сословия», «среднего класса», как это было в Великобритании. По крылатому выражению английского писателя-моралиста XVIII в. С. Джонсона: «майорат только одного из сыновей делает дураком». Иначе говоря, лишенные гарантированного земельного дохода, дворянские сыновья вынуждены были бы искать себе заработка, и могли бы его найти в торгово-промышленных предприятиях, став, тем самым, «буржуазным дворянством» или «дворянской буржуазией». Этот социальный слой в перспективе мог бы «облагородить» и европеизировать патриархальное купечество. Таков был один из мотивов указа Петра I о единонаследии, и именно поэтому за введение майората выступали члены тайных обществ декабристов М. Ф. Орлов и А. О. Корнилович. Поскольку же аргумент об отсутствии в России «настоящей» буржуазии был одним из доводов против введения конституции, то политический подтекст пересмотра наследственного права был очевиден. И если одни дворяне высказывались в пользу майората, исходя из узкосословных интересов, то другие считали единонаследие шагом по пути модернизации России. Нам представляется перспективным сравнительный анализ аргументов за и против введения единонаследия, до и после реформ 1860-х гг.

Историография и источники удачно и в целом исчерпывающе проанализированы автором. Возможно, стоило бы выделить в отдельную группу (или «блок», как выражается автор) источников произведения художественной литературы, в которых подробно затрагивались конфликты между патриархальным и новым пониманием семьи, как, например, напумевший в начале 1860-х гг. роман М. В. Авдеева «Подводный камень». Целый ряд интересных публицистических статей по данной проблематике был помещен и в эмигрантских изданиях, в том числе и малоизученных. Так, в журнале «Свободное слово», издававшемся родным братом видной деятельницы женского движения А. П. Блюммер, Л. П. Блюммером публиковались обширные статьи «Необходим ли брак?» (1862 г. №№ 5-8) и «Смешанный брак и его отношение к веротерпимости» (1863 г. № 1).

Переходя к редакционным замечаниям, укажем на желательность именного указателя в столь подробной монографии. Этот указатель просто необходим для читателя, желающего ориентироваться в проблематике исследования.

Впрочем, следует отметить, что подобные замечания не влияют на общую высокую оценку фундаментальной монографии В. А. Веременко. Отныне ни один исследователь истории социального развития пореформенной России не сможет обойтись без штудирования этой работы, в которой удачно систематизирован колоссальный фактический материал. Будем надеяться, что автор продолжит цикл своих монографий по гендерной истории второй половины XIX века и начала XX столетия.

*Л.Ю. Гусман,
доктор исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук
СПб государственного университета
аэрокосмического приборостроения*